

Вернемся к цитированной выше приписке. Припиской к повести этот текст мы считаем потому, что, в отличие от повести, изложение в нем ведется в третьем лице с характерным указанием: „И по скаске тех же атаманов и казаков, что имъ надобно в Азов. . .“. В Москве знали, что в случае принятия Азова предстоит новая борьба с Турцией. Прежде чем ответить на просьбу казачества, прежде чем созывать собор, царь должен был выяснить, каких средств может стоить восстановление и удержание этой разрушенной крепости. Еще неизданные полностью черновые материалы подготовки собора говорят, что, „слушав“ доклад, царь „указал о том азовском деле говорити боярам: толко Азов город у казаков принять и сколко в него с воеводою ратных и каких людей послати и что им дати ево государева денежнава жалованья и сколко хлебных всяких запасов. . .“¹ В ответ на это „бояре приговорили“, что в случае принятия Азова, туда „ратных людей. . . менши 10 000 человек послат нелезе. . .“. Далее в перечислении расходов они указывают, что „хлебных всяких запасов толко послати для осадного времени 50 000 чети. . . пороху. . . послати 20 000 пудов. . . самопалов ручных толко послати 10 000. . . И всего иметца по сему писму. . . 221 000 рублей“² Эти цифровые данные точно совпадают с данными приписки к повести.

Откуда же бояре могли получить все эти сведения? Только от Наума Васильева „с товарищи“, так как, кроме них, в это время в Москве никто не знал о состоянии Азова. Посланный для его обследования А. Желябужский вернулся уже после собора — 8 марта.³ Приписка прямо говорит, что сведения получены „по скаскѣ тех же атаманов и казаков. . .“. Следовательно, и приписка и боярский доклад основаны на этой „сказкѣ“. Отсюда ясно, что переписчик, который добавил к повести последние новости в виде этой приписки, словами „тех же атаманов и казаков“ как бы объединял тех казаков, от имени которых вела изложение повесть, т. е. все Войско, и тех, которые сообщили данную „сказку“ — казаков Наума Васильева. Не служит ли это также указанием на то, что повесть, как и подлинная отписка, явилась из рук именно „тех же“ приехавших в Москву казаков?

Сведения боярского доклада, основанного на казачьей „сказке“, так и не вышли из канцелярии Посольского приказа и на соборе не оглашались. После решения о возвращении Азова Турции они и вовсе утратили свое значение. Но именно поэтому они для нас интересны. Знакомство переписчика с данной казачьей „сказкой“ показывает, что повесть начала свое литературное бытование в среде людей, имевших ближайшее служебное отношение к обсуждению азовской проблемы в Москве. Литературный путь повести начался в 1642 г., в канцелярских

¹ Цит. по рукописи: Турецкие дела, № 1, 1642, л. 13.

² Цит. по указанной рукописи, л. 13—14; подробнее цифры приведены у С. В. Рождественского (ук. статья, стр. 2—3).

³ Донские дела, кн. II, стб. 261—262.